

Очнувшись, Юнь Фэй обнаружил, что висит под самым потолком, привязанный к балке.

Высокий купол хранил явные следы упадка: некогда яркие фрески выцвели и пошли трещинами.

Штукатурка осыпалась целыми пластами. По обе стороны от массивной деревянной балки зияли два симметричных темных проема. С этой самой балки свисал канат толщиной в три пальца, туго затянутый на его шее мертвой петлей.

Юнь Фэй попробовал освободиться, но тщетно — путы лишь сильнее впивались в кожу. Странно, но, несмотря на багровый след, сдавивший горло, он не задыхался. Настоящее чудо, не иначе.

Створчатое окно было распахнуто настежь. Точнее, одна его половина исчезла без следа, а вторая, едва держась на петлях, уныло поскрипывала от малейшего дуновения.

Врывавшийся в комнату сквозняк кружил по углам и раскачивал Юнь Фэя из стороны в сторону, словно вяленую рыбу на просушке. С той лишь разницей, что эта «рыба» все еще дышала.

Ветер свистел не умолкая, канат затягивался все сильнее. Юнь Фэй не собирался безвольно ждать конца и уже приготовился освободить руки, как вдруг в ушах невыносимо затрещало, и в самый разум бесцеремонно вторгся механический голос:

— Рад приветствовать вас, Носитель. Поздравляем, вы были избраны...

Происходящее казалось чуждым, но в то же время пугающе знакомым. Каждое произнесенное слово, точно тайный ключ, со скрежетом поворачивалось в замке, высвобождая заблокированные воспоминания.

В голове замелькали обрывки прежней жизни. Юнь Фэй на миг оцепенел, но уже в следующую секунду его лицо исказила гримаса бешеной ярости. Обретя внезапную силу, он вцепился обеими руками в петлю и рванул ее вниз, натягивая канат еще сильнее — безумный поступок, граничащий с самоубийством.

Механический стрекот оборвался на полуслове.

Юнь Фэй продолжал тянуть канат. Грудь сдавило, дышать стало нечем, но сознание стремительно заполняли запертые доселе образы.

Разум вновь взорвался статическим треском — паразит, именовавший себя Системой, почуял неладное и попытался восстановить ментальный барьер, но опоздал.

Рухнули последние преграды, и лавина воспоминаний хлынула безудержным потоком. Бесчисленные образы сливались в бурную реку, проносясь перед глазами безумным калейдоскопом.

Возвращение памяти давалось страшной ценой. Отчаянная ментальная схватка с захватчиком заставляла голову взрываться от невыносимой боли.

Из носа и ушей потекла кровь, белки глаз прорезала багровая сетка лопнувших сосудов. Окровавленные губы кривились в безумной, пугающей усмешке — в этом выражении лица смешались и дикий хохот, и немой плач. Безумие в чистом виде.

Голос Системы зазвучал вновь, но Юнь Фэй оборвал его на первом же слове:

— Ты нарушила клятву.

Короткая фраза мгновенно заставила паразита умолкнуть.

Юнь Фэй отчетливо ощутил, как тварь, пригревшаяся в его сознании, содрогнулась от изумления и паники.

— Ты обещала... Обещала, что вернешь меня домой, стоит мне завершить девяносто девять миссий! — Сдерживая дикую боль, он цедил слова сквозь зубы, обнажая всю лживую суть этой сущности.

Он понятия не имел, откуда взялась эта тварь и почему выбрала именно его. Но с того самого дня, как паразит угнездился в его душе, Юнь Фэй лишился свободы. Его заставляли проживать чужие жизни — раз за разом, без права на передышку.

Вне времени, вне пространства. Он менял миры, расы, даже пол.

Юнь Фэй неоднократно пытался вырваться, но все попытки неизменно оборачивались прахом. Взамен он получал лишь изощренные пытки и новые, еще более плотные оковы, стиравшие память об очередном цикле.

Он превратился в безвольную куклу, в пожизненного узника чужой воли. Доведенный до отчаяния, во время перемещений он безуспешно пытался покончить с собой.

Тогда Система заперла его душу в ментальной клетке. Поняв, что угрозами ничего не добиться, она прибегла к сладкой лжи: поклялась отпустить его в родной мир, как только он закроет девяносто девятый контракт.

Он знал, что верить паразиту нельзя, но выбора не оставалось. Душа томилась в неволе — ни

жить, ни умереть. Пришлось подчиниться.

Ожидаемо, все заверения оказались фикцией. Система не просто нарушила слово — она намеревалась подчистую стереть его личность, чтобы вновь бросить в этот бесконечный круг покорной марионеткой.

Но судьба распорядилась иначе. Перед началом этого «финального» раунда Юнь Фэй сумел подготовить лазейку. Жадный захватчик даже не подозревал, что его очередная ложь станет началом его собственного краха.

— За предательство всегда приходится платить.

Игнорируя режущую боль в ладонях, Юнь Фэй сильнее натянул петлю. Кожа лопнула, теплая кровь побежала по предплечьям, но он рванул канат изо всех сил — и гнилые волокна с треском лопнули. Юнь Фэй рухнул вниз. Приземление вышло скверным: подвернув лодыжку, он покатился по полу.

Пока он оставался бесплотным духом, оковы Системы держали его намертво. Но паразит совершил роковую ошибку — ослепленный самоуверенностью, он вновь вернул Юнь Фэю физическую оболочку, полагая, что полностью подчинил разум носителя.

Осознав намерения Юнь Фэя, Система заверещала:

— Носитель, остановись! Ты погибнешь! Твоя душа будет стерта!

— Мне плевать, — Юнь Фэй, преодолевая острую боль в суставе, медленно поднялся на ноги. Его лицо исказила холодная усмешка. — Я уже очень давно не хочу жить.

Его насильно швыряли в чужие судьбы, заставляя захлебываться чужой яростью и отчаянием. Малейшая неудача каралась жестокими муками, а о бунте не шло и речи.

Почему именно он? За какие грехи?!

Юнь Фэй ведь был самым обычным парнем. Родился, вырос, отучился, устроился на работу — все как у людей. Бывали взлеты, бывали и падения, но он никогда не ныл и не проклинал судьбу. Всего добивался сам и в конце концов построил вполне успешную жизнь.

Он до сих пор не понимал, за что ему выпал этот ад и эта мерзкая тварь в придачу. Девяносто девять чужих жизней, девяносто девять кругов мести. И если цель не была достигнута с первой попытки, его швыряли обратно снова и снова, пока прихоть очередного заказчика не бывала полностью удовлетворена.

Каждая секунда этого существования была пыткой. Разум Юнь Фэя давно балансировал на грани безумия, и гибель виделась ему желанным избавлением.

Поняв, что уговоры бессмысленны, Система прекратила попытки воззвать к его разуму и начала экстренное извлечение души из физического сосуда.

Юнь Фэй лишь презрительно фыркнул. Сто кругов ада изнурили его душу, но и научили многому. Обретенные в иных мирах знания вернулись вместе с памятью, дав ему оружие для возмездия.

Бесплотного паразита нельзя поймать. Но что, если заставить его обрести форму? Почувств неладное, Система лихорадочно ускорила процесс разделения.

Юнь Фэй оказался быстрее. Окровавленная ладонь легла на лоб. Воскресив в памяти древнее заклятие одного из прошлых воплощений, он начал материализовать невидимые ментальные потоки. В его сознании соткалась прочная сеть, улавливающая хаотичные энергетические импульсы врага, связывающая их воедино и выталкивающая наружу.

Каждый шаг давался с невероятным трудом, на грани фолла. Паразит яростно боролся за жизнь, мечась внутри черепной коробки. Разряды тока, точно безумные змеи, полосовали разум Юнь Фэя, прошивая его душу насквозь.

— Вон из моей головы!

Адская боль плавила рассудок, словно раскаленный металл, залитый прямо в мозг. Но сдаваться Юнь Фэй не собирался. Даже если цена победы — окончательная смерть, он выжжет эту тварь из себя.

Тюрьму озарила ослепительная вспышка. Когда грозовые разряды утихли, Юнь Фэй обнаружил, что сжимает в кулаке извивающийся жгут белого света. Зажатая в тиски Система предприняла отчаянную попытку вырваться: светящаяся лента натянулась струной, а ее края превратились в бритвенно-острые лезвия, глубоко рассекая ладонь Юнь Фэя.

Не обращая внимания на хлещущую кровь, он сжал пальцы еще крепче. Ненависть придавала ему сил. Юнь Фэй сосредоточил всю ментальную энергию в кулаке, дюйм за дюймом заминая сопротивление паразита.

Светящийся жгут с сухим треском лопнул. По комнате разнесся жалобный писк, и мириады искр брызнули во все стороны, сотворив на мгновение подобие сверкающего фейерверка, после чего мгновенно угасли.

Вспышка угасла, вернув комнату во мрак. Юнь Фэй обессиленно рухнул на пол, каждая клеточка тела стонала от боли, но на душе у него было небывало легко. Сладкое, почти

забытое чувство свободы пьянило разум. Слишком долго он томился в чужих клетках.

Он хрипло, торжествующе рассмеялся. Теперь пускай приходит хоть сама смерть — он встретит ее с улыбкой.

Передышка оказалась недолгой. Рассыпанные по полу искры внезапно вспыхнули вновь, стремительно сливаясь в единый рой, и ринулись на него. Пошевелиться Юнь Фэй не мог. Он лишь молча наблюдал, как мерцающая сеть накрывает его с головой.

Неужели все напрасно?

На губах появилась горькая усмешка. Значит, это конец.

И все же сожалений не было. Если бы время повернулось вспять, он без колебаний повторил бы свой бунт.

Светящиеся пути стягивались, проникая сквозь поры в самую суть его существа. Паразит праздновал триумф. Его ликование пробудило в Юнь Фэе остатки ярости. Терять было нечего. Поставив на кон само существование своей души, он, словно загнанный в угол дикий зверь, вцепился в захватчика ментальными зубами и, ломая сопротивление Системы, принялся рвать её на части, пожирая кусок за куском.

Его дух горел синим пламенем, лицо заливало кровью, а по коже змеились электрические разряды. Когда боль миновала пик, наступило благодатное онемение. Твердо решив уйти за грань, но забрать врага с собой, Юнь Фэй окончательно растерзал Систему и поглотил осколки её кода.

Смертоносные чужеродные фрагменты усваивались его душой. Разум захлестнул чудовищный информационный поток. Голова раскалывалась, перед глазами поплыли черные круги, и Юнь Фэй, не выдержав перегрузки, провалился в беспамятство.

Пока он лежал без чувств, из его груди заструилось мягкое зеленое свечение, соткавшее вокруг него защитный кокон. Израненное тело затихло, кровь на подбородке и воротнике запеклась темной коркой.

Русые пряди начали стремительно темнеть от кончиков к самым корням, наливаясь глубоким, как безлунная полночь, черным цветом. Спутанные волосы разметались по лицу, подчеркивая мертвенную бледность кожи. Даже без сознания в его облике угадывалось нечто грозное, хищное — отголосок закаленной в боях души. Тонкие, гармоничные черты лица сейчас в точности повторяли его собственный, настоящий облик из прошлой, земной жизни.

Последний луч солнца скользнул за горизонт. Небо затянуло плотными тучами, скрывшими и луну, и звезды; мир погрузился в глухую ночную тьму. Завыл ветер, и на землю обрушился

яростный ливень. Потоки воды хлестали сквозь разбитое окно, заливая паркет и оставляя на вековых досках темные, блестящие лужи. Гроза бушевала до самого рассвета, и лишь к утру тучи начали рассеиваться. Солнце быстро прогрело влажную землю, рождая густой туман, который тут же таял под первыми жаркими лучами.

На подоконник опустилась пташка с ярким оперением. Наклонив голову, она принялась чистить перышки, выводя звонкую трель. Этот незамысловатый мотив и вернул Юнь Фэя к реальности. Он открыл глаза, несколько секунд растерянно всматриваясь в потолок.

Яркий луч утреннего солнца бил прямо в лицо. Юнь Фэй попытался заслониться ладонью, но затекшие руки отказывались повиноваться. Порезы на коже уже затянулись молодой розовой коркой, однако тело оставалось чужим, неповоротливым. Прищурившись, он терпеливо переждал волну покалывающей судороги и, кое-как упершись локтями в пол, отполз в тень.

Пока мышцы постепенно обретали чувствительность, мысли окончательно прояснились. Мысленно просканировав разум, Юнь Фэй не обнаружил и следа присутствия паразита. Из груди вырвался вздох облегчения. Да, он шел на верную смерть, но глупо отрицать: жить свободным куда приятнее, чем гнить в небытии.

Онемение в теле постепенно отступало. Шевеля пальцами рук, Юнь Фэй принялся внимательно изучать свое прибежище.

Первое, что бросалось в глаза — царящая здесь разруха. На куполе едва угадывались силуэты старинных фресок, штукатурка осыпалась бурыми пластами, а некогда дорогой ковер превратился в грязную ветошь. Мебель была разбита и исцарапана, словно по ней прошлись когтями. У массивной деревянной кровати не хватало одной ножки, а от пыльного балдахина и истлевшего белья разило затхлостью и тленом.

По бокам от изголовья из стен торчали бронзовые канделябры, густо облепленные оплывшим воском и серой паутиной. Напротив зиял закопченный зев камина. Над ним сиротливо висела пустая деревянная рама — холст давно вырезали, оставив лишь резной багет с пустыми гнездами из-под драгоценных камней. Когда-то хозяева этого места явно не знали нужды.

Единственной уцелевшей деталью интерьера оставалась дверь. Толстая дубовая створка была наглухо заперта, а массивный стальной замок блестел новизной, резко контрастируя с общим упадком. Пожалуй, это место походило не на спальню, а на наспех оборудованную камеру. Впрочем, замок Юнь Фэя не пугал — стоило лишь немного восстановить силы, и он выбьет эту преграду без особого труда.

Становилось все жарче. Птица вспорхнула с подоконника и растворилась в синеве неба. Онемение в теле проходило неохотно, зато порезы затягивались прямо на глазах. Подобная регенерация явно выходила за рамки человеческих возможностей, что заставило Юнь Фэя насторожиться.

Пока он размышлял над природой своей новой оболочки, в коридоре раздались шаги. Спустя

мгновение замок щелкнул, и на пороге возник высокий силуэт.

Юнь Фэй встретился взглядом с вошедшим. Перед ним стоял сурового вида мужчина в поношенной, пыльной мантии. Тот, в свою очередь, окинул взглядом разгром и сидящего на полу пленника.

Мужчина молча прошел в комнату и поставил на колченогий столик деревянный поднос, на котором лежали кусок пережаренного мяса величиной с ладонь и миска серой, подозрительно пахнущей каши.

— Доброго утра. Ваша трапеза.

Язык был незнаком, но смысл слов мгновенно запечатлелся в сознании. Стоило Юнь Фэю скосить глаза на еду, как лицо слуги исказилось. Вглядевшись в антрацитово-черные волосы и изменившийся разрез глаз пленника, мужчина резко выхватил из рукава длинный стилет и молниеносным выпадом нацелил его прямо в сердце парня.

Юнь Фэй среагировал инстинктивно. Тело все еще оставалось частично заблокированным, но невероятным усилием воли он сумел рвануться в сторону. Сталь скользнула по ребрам, распоров рубаху и оставив глубокую царапину на боку.

Не дав противнику опомниться, убийца перехватил оружие и нанес новый удар, целясь в горло. Но стоило острию коснуться кожи, как тело Юнь Фэя окутала яркая зеленая вспышка. Лезвие словно наткнулось на невидимый каменный щит и замерло в полумиллиметре от яремной вены.

Нападавший опешил. Юнь Фэй не стал терять драгоценные мгновения: резко выбросив ногу вперед, он мощным пинком в живот отбросил врага к противоположной стене.

Тот с глухим рычанием поднялся. Оставив оброненное оружие, он издал дикий, утробный вопль. На глазах у Юнь Фэя его силуэт начал деформироваться: кости удлинялись, плечи раздавались вширь, а бледная кожа стремительно темнела, покрываясь глубокими бороздами и превращаясь в жесткую, растрескавшуюся древесную кору.

Юнь Фэй покатился по полу, едва уворачиваясь от тяжелых шагов этого монстра. Прогнившие половицы с треском лопнули под весом чудовища. Комната стремительно покрывалась провалами, лишая парня пространства для маневра.

В самый критический момент, когда спасения уже, казалось, не было, в разбитые двери ворвался седовласый старик. Оценив обстановку, он пришел в неопишемую ярость.

С оглушительным ревом старик начал стремительно разрастаться. Его тело превратилось в могучий древесный ствол, превосходящий размерами первого монстра. Над головой

раскинулась густая крона, а сучья вытянулись вперед, заострившись подобно боевым пикам.

Древесный гигант ринулся на убийцу. Два колосса высотой под четыре метра сошлись в яростной схватке.

Удары их деревянных кулаков содрогали стены. Ветхое здание не могло выдержать подобного натиска: каменная кладка лопалась, потолок просел, а поднимающаяся пыль застилала глаза. Это была настоящая битва на разрушение.

Спустя несколько яростных мгновений Бру одолел противника. Проведя мощный захват, он повалил нападавшего на пол и тяжело обрушил узловатое корневище прямо ему на грудь. Раздался оглушительный треск — тело убийцы переломилось пополам.

Юнь Фэй ошеломленно наблюдал за этой сценой. Ему довелось повидать немало чудес за сотню жизней, но с настолько свирепыми древоподобными существами он сталкивался впервые.

Осознав, в какую безумную глушь его забросило на этот раз, Юнь Фэй скрежетнул зубами. В эту минуту он искренне пожалел, что Систему нельзя вытащить из небытия и растерзать еще тысячу раз.

<http://bllate.org/book/18992/1868375>